

П. С. КУПАЛОВ

Первая поездка И. П. Павлова в Колтуши

1924 год, конец июня. После непрерывной и напряженной работы в течение года Иван Петрович стал жаловаться на усталость. Его утомляло ежедневное посещение лаборатории, беседы с сотрудниками. Дома раздражали телефонные звонки.

Мы посоветовали Ивану Петровичу уехать на несколько дней в Колтуши, в небольшой совхоз, принадлежавший физиологическому отделу Института экспериментальной медицины. Иван Петрович руководил организацией совхоза, расходовал на него средства из бюджета лаборатории, подробно вникал в хозяйственную жизнь совхоза. Однако он ни разу не видел Колтушей, и такая поездка была оправдана и с деловой точки зрения.

Для того чтобы не собралось много народа, было решено отправиться в Колтуши, никому об этом не говоря и даже не предупредив заведующего совхозом Г. Старикова. Трое участников путешествия — Иван Петрович, А. Д. Сперанский и я — договорились встретиться утром в субботу 5 июня у Финляндского вокзала.

В назначенное время все были на месте. Иван Петрович приехал трамваем, без малейшего опоздания. Сейчас же были куплены билеты, и мы вошли в вагон.

В вагоне было тесно, и Иван Петрович решил остаться в проходе. Так же поступил и я. Мы стояли с ним у открытого окна, и он, как всегда, оживленно разговаривал. Остановка на одной из станций напомнила ему случай из далекого прошлого. Он начал рассказывать, как однажды ездил в деревню для ловли бабочек. Целый день он бродил по полям в поисках редкого экземпляра красивой бабочки — *Saturnia pyri*, но все его старания оказались безуспешными, и он решил возвращаться домой. Однако он узнал, что в этот же день одному из его знакомых удалось поймать такую бабочку. Тогда Иван Петрович снова отпра-

вился на поиски, но также неудачно. Он видел одну бабочку и долго гонялся за нею, но она не подпускала к себе на близкое расстояние и в конце концов скрылась. Шутя над самим собою, Иван Петрович рассказывал, как он, подкрадываясь к бабочке, почти молил ее: «Ну, посиди же, дорогая, не улетай».

Отчаявшись, Иван Петрович пришел на станцию, чтобы ехать в город. «И вот надо же, — говорил он, — на станции я узнаю, что моему приятелю посчастливилось поймать и другую бабочку. Как я ему завидовал! У меня ни одной, а у него две. У меня было желание отложить все свои городские дела, остаться здесь, ходить дни, пусть даже недели, только бы иметь у себя такую бабочку».

Сказав это, Иван Петрович замолчал, задумался и затем тихо, точно говоря с самим собой, прибавил: «Да, вероятно, если чего-либо страстно желаешь, то нельзя не завидовать».

Мы сошли на станции и отправились в Колтуши пешком. Скоро вышли на шоссе. Через некоторое время я сказал, что мы уже прошли два километра и нам осталось идти ровно восемь.

«Вы откуда так точно это знаете?» — спросил Иван Петрович.

Я ответил, что есть дорожные столбы, и мимо одного из них мы только что прошли.

Иван Петрович вскипел: «Как! Есть столбы, а вы ничего не сказали! Ведь надо следить за ходьбой по часам. Это большое удовольствие».

Я оправдывался тем, что совершенно не представлял, насколько это важно и интересно. Иван Петрович продолжал свои упреки.

«Разве это может быть кому-либо неинтересно», — настаивал он.

Мы приближались к следующему дорожному столбу. Иван Петрович вынул часы и, поравнявшись со столбом, громко и несколько раз отметил минуты и секунды. Затем, стараясь чтобы это было для нас незаметно, постепенно ускорил шаг. У следующего столба время было отмечено с такой же точностью. Иван Петрович остался очень доволен той скоростью, с которой мы шли, и тем, что он не чувствовал при этом никакой усталости.

Перед Колтушами мы свернули с шоссе влево и поднялись в гору. Светило яркое солнце, ослепительно зеленели поля. Иван Петрович широко раскрыл руки и в волнении остановился. «Как хорошо, как хорошо!» — повторял он и начал говорить о том, что человек глубоко связан с природой. Затем, немного подумав: «В моем возрасте люди обычно мечтают о том, чтобы сбавить с де-

сяток годков. А я хочу только одного, лишь бы осталось все так, как сейчас, и здоровье, и умственные силы».

В Колтушах нас встретил заведующий совхозом Г. Стариков. Мы решили сразу же начать игру в городки и занялись изготовлением палок и рюшек. Иван Петрович внимательно изучал Старикова, расспрашивал у него, как он играет, научился ли этой игре в детстве или в пожилом возрасте, осведомился о том, когда он играл в последний раз. Наконец он решил, что Стариков надежный игрок, и взял его в свою партию.

Игра шла оживленно. Мы со Сперанским проигрывали, но иногда победа бывала и на нашей стороне. Это делало борьбу напряженной и интересной. Иван Петрович играл хорошо, но он затруднялся бить на большом расстоянии, с задней черты. Он был левшой, и, кроме того, неправильно сросшийся перелом правого бедра при сильном броске мешал ему прочно опереться на выставленную вперед правую ногу, и палка летела неточно. Промажнувшись, он с досадой размахивал руками и бранился: «Ах, проклятая нога!» Мы порешили, что он будет пропускать свои удары с задней черты, а затем бить удвоенное число раз с передней. Больная нога была помехой и в другом отношении. Ивану Петровичу было трудно нагибаться и поднимать с земли свои палки. Однако он долгое время протестовал, если ему помогали, и лишь затем, благодаря большому такту А. Д. Сперанского, стал принимать от него эту помощь. Сначала он непременно сам подходил к палке и соглашался лишь на то, чтобы ему ее подали. Затем по мере усталости примирился и с тем, что палки ему приносили.

Во время игры Иван Петрович непрерывно изводил нас, своих противников, старался подорвать нашу уверенность в борьбе и победе. «Противника надо уничтожать всеми средствами», — говорил он. Он насмеялся над нами, дразнил нас, делал язвительные замечания при каждом неудачном ударе, пугал мрачными предсказаниями, старался, чтобы у нас, как он выражался, «упал дух». Старикова же он только поощрял и ободрял, не обнаруживая никакого огорчения даже при его промахах. А. Д. Сперанский не обращал на насмешки никакого внимания и, сохраняя неизменное веселое настроение, во всем уступал в спорных положениях. Я же реагировал на нападки Ивана Петровича довольно болезненно, часто вступал в пререкания. Сначала мне было трудно себя сдерживать, настолько сильно меня задевали его колкости. А затем я решил, что больше сдерживаться уже и не надо, так как все равно мы теперь надолго поссорились с

Иваном Петровичем, и он не простит мне моего неуважения к нему.

К моему изумлению, как только кончилась игра, Иван Петрович сразу же обратился ко мне с такой доброй улыбкой, с такой лаской, которая исключала малейший намек на какое-либо неприязненное чувство. Наша словесная схватка была забыта, но она возобновлялась с прежней напряженностью при последующих состязаниях.

Закончилась игра в городки, и началась увлекательная беседа: два мастера слова — Павлов и Сперанский — соревновались друг с другом. Мне оставалось только слушать, лишь изредка вступая в разговор.

А. Д. Сперанскому пришла в голову мысль прибить на двери той комнаты, где помещался И. П. Павлов, дощечку с шуточной надписью. Я взял на себя изготовление дощечки, а Сперанский написал карандашом сочиненный нами текст: «Здесь жил чемпион мира, академик Иван Павлов, президент Силламяжской городской академии, победоносно сражавшийся и на местном ипподроме. 5—7 июля 1924 года».

Силламяги — дача, где в течение последних десятков лет проводил свой летний отдых Иван Петрович, там процветала игра в городки. В Колтушах же во двор, где мы играли, выходила конюшня, куда, прерывая нашу игру, часто водили лошадей. Отсюда — ипподром. В последующем, в одну из наших поездок в Колтуши, К. М. Быков, поправляя выцветшую надпись, переименовал ипподром в стадион. В таком виде и сохранилась эта историческая дощечка, в течение многих лет висевшая на двери комнаты, в которой остановился Иван Петрович при своем первом посещении Колтуш.

Проведя три дня на свежем воздухе, несколько раз искупавшись в озере, развлекшись и отдохнув, мы вернулись домой. Иван Петрович остался доволен своей поездкой. Колтуши ему понравились и сделались впоследствии местом его летнего отдыха. Уже в эту поездку Иван Петрович задавал вопрос, не устроить ли здесь, в деревне, загородную лабораторию, что с помощью правительства вскоре и было осуществлено. А затем маленькая лаборатория превратилась в мощный институт по изучению высшей нервной деятельности животных.

<1956>

